

И стали они жить-поживать

Как спасти царевну

Светлана Багдерина

1

Светлана Багдерина
Как спасти царевну
Серия «И стали они жить-
поживать...», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19413524
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Пошла как-то раз красна девица Серафима-царевна погулять по дворцовому саду. Налетело откуда ни возьмись редкое вымирающее животное Горыныч-Змей, подхватило сердешную и унесло, не оставив адреса. Вскочил тут супруг ее безутешный Иван-царевич на говорящий ковер-самолет с не менее говорящим именем Масдай и кинулся в погоню, поклявшись и пальцем не шевельнуть в защиту, если супруга его юная успеет наложить на злосчастную рептилию руки раньше, чем он... Но, увы, не все бывает так просто, как описывают старые истории, и банальное дело о киднеппинге с применением подручных зоологических средств – следите за руками! – превращается... превращается... превращается...

Светлана Багдерина

Как спасти царевну

*Одна голова хорошо, да жестко спать.
Шарлемань Семнадцатый*

– Ио-о-о-о-о-о-он!!!!.. – крик Елены Прекрасной, полный невыразимой тоски, разнесся по коридорам дворца.

Она не просто кричала, она взывала – к справедливости, к своим стеллийским богам, к мирозданию – ко всем, кто готов был оторваться на минутку от дел и изъявил бы желание выслушать ее излияния. Хотя и адресованы они были вполне конкретному лицу.

– Ио-о-о-о-о-о-о-он!!!!..

Иванушка остановился, как будто налетев на стеклянную стену, бросил плащи, развернулся и побежал на крик.

– Что случилось, Елена? С тобой все в порядке?... А где Серафима?

– Ион, – с видом миссионера, полным готового взорваться благодерпения, в тридцатидвухтысячный раз объясняющего непонятливым аборигенам элементарный постулат веры, проговорила она. – Ион, я, конечно, вовсе не хочу показаться придиричливой или занудной, и еще меньше – ябедой, но не считаешь ли ты, что всему есть свои пределы? На той неделе царевна Серафима побила возчика его же собственным кнутом...

– Он дурно обращался со своим волом!

– ...в эти выходные она обыграла в карты всю смену дворцового караула...

– Она отдала им деньги обратно!

– ...вчера она выиграла соревнования по стрельбе из лука...

– Молодец, я не знал!

– ИОН!!! Дело не в том, молодец она или нет! Дело в том, что на нас, царскую семью Лукоморья, смотрит вся страна, И ЧТО ОНИ ПРО НАС ПОДУМАЮТ!.. Бить злобных возчиков должны слуги! Жульничать в карты должны шулеры! Выигрывать соревнования по стрельбе – дружинники! А НЕ ЦАРЕВНЫ!!!

Иванушка удрученно поджал губы и вздохнул.

– Хорошо, Елена. Что, по-твоему, она натворила на этот раз?

– Не мог бы ты еще раз напомнить своей жене, Ион, что уход за лошадьми после прогулки – обязанность не царевны царской крови, а конюхов? И не по-моему, Ион. Не передергивай. Если ты считаешь, что так и должно быть – иди, куда спешил, пока я тебя не позвала.

Не говоря больше ни слова, Иван-царевич быстро повернулся и зашагал в сторону дворцовых конюшен.

Серафима была там.

В фартуке из мешковины, закатав рукава тонкой батистовой сорочки, хотя они отродясь не предназначались для за-

катывания, она оттирала пучком сена потные бока своего коня, и на чумазом лице ее было написано крупными буквами искреннее удовольствие – впервые за всю их утреннюю конную прогулку. А шрифтом поменьше, если присмотреться, также и то, что она прекрасно слышит приближающиеся шаги, знает, кто идет, зачем и по чьему навету, и что ее это волнует не больше, чем какого-нибудь шатт-аль-шейхского кузнеца – виды на урожай гаоляна в Вамаяси.

– Сеня, – так и не дождавшись внимания к своей смущенной и даже слегка вспотевшей персоне, обратился на ушко к супруге Иванушка.

– Можешь не продолжать, – кисло поморщившись, не оборачиваясь отозвалась она. – Если ты вернулся только для того, чтобы сообщить мне, что чистить лошадей – не царское дело, то ты прогадал. Я это и так знаю. Уже. Теперь.

– Ну, Сенечка, милая, – просительно зашептал на ушко царевне Иван. – Ну, ведь можно найти себе какое-нибудь другое интересное занятие, кроме этого, а?...

– Например? – с показной заинтересованностью вдруг повернулась к нему Серафима и склонила выжидательно голову набок.

– Н-ну-у... – сложил губы трубочкой и захлопал ресницами царевич, застигнутый врасплох. – Н-ну, например... Например...

Прочитав на лице Серафимы: «Только попробуй, скажи «вышивание», он быстро перешел ко второму пункту своего

и без того недлинного списка:

– Прогулки с девушками по саду...

– Нет, я имела в виду, интересного не для тебя, – со сладенькой улыбочкой тут же отозвалась царевна.

Иван смутился еще больше, но сделал еще одну отчаянную попытку продолжить:

– Пить... чай... с боярышнями...

– А еще?

– Наносить... визиты... боярышням...

– И что я там должна делать? – с неисчезающей остекленевшей улыбочкой продолжала допытываться Серафима.

– Пить чай... с боярышнями... гулять по саду... выши...

– Хватит! – взорвалась предсказуемо, но как всегда, внезапно, царевна, сорвав с себя фартук и бросив с сердцем его себе под ноги. – Надоело! Я живу тут, как в тюрьме! Занимаюсь с утра до ночи всякой ерундой! Туда не ходи, это нельзя, то не надевай, того не трогай, с этими не болтай! Сколько можно издеваться над человеком! Вышивать с боярышнями! Пить чай в саду! Пить чай с боярышнями! Вышивать в саду! Гулять по саду с боярышнями, с кружкой чая в одной руке и вышиванием – в другой!.. Может, ты мне еще на арфе играть учиться посоветуешь? Иванушка, хороший мой, ты сам-то от такой жизни давно ли из дому сбегал?

Иван виновато вздохнул и отвел глаза.

Предложить Серафиме учиться играть на арфе было все равно, что предложить царице Елене брать уроки кулачного

боя.

Но что он мог поделать?

Когда ты выходишь замуж за царевича, ты становишься царевной, даже если тебе этого не хочется. Уж это-то должна была понимать даже Серафима – единственная дочь царя Лесогорья Евстигнея.

– Ну, может, тебе для развлечения какую-нибудь зверюшку завести?... Хомячка там, или собачку? – неосторожно пришла в голову царевича свежая мысль.

– Волкодава? – оживилась Серафима. – Или овчарку? А лучше двух!

Иван быстро дал задний ход:

– Нет-нет! Одну! И левретку! Или болонку. Или мопса... Или вообще...

– Мопса!!! – Серафима умудрилась вложить в название этой породы всю силу своего негодования и презрения. – Мопса!!!!.. Черепашку еще предложи!!! На веревочке!!!

Царевич поежился, ибо именно черепашка и не успела сорваться с его языка.

– А п-почему – «на веревочке»?

– Чтоб не убежала!!!!.. Послушай, Иванушка. Почему мы не можем съездить в гости к Ярославне? Или в Вондерланд? Или просто на недельку поохотиться в лес?

– Но десять дней назад мы же выезжали на охоту! – ухватился Иван за безопасную тему.

– Выезжали! – снова уперла руки в бока и стала похожа на

маленькую, разгневанную букву «Ф» Серафима. – Если не принимать во внимание, что охотились *вы*, а мне с *боярышниками* пришлось все это время просидеть в шатре на платочках, чтобы не обгореть на плящем сентябрьском солнце и не запачкать платье об траву, то конечно, выезжали!

– Да съездим мы еще обязательно, – примирительно приобнял ее за плечи царевич. – Обязательно съездим – и к бабушке твоей, и к Кевину Франку с Валькирией. Или даже слетаем – Масдай вон у нас, наверное, совсем запылится. Но потом. Попозже. Потерпи еще немножко, хорошо? У меня сейчас неотложные дела. Надо закончить летописи... Хроники... Инвентаризацию... Поэтому погуляй еще немножко в саду с девушками и царицей, хорошо?

– Твоя хроническая инвентаризация тебе скоро сниться начнет, – скорее по инерции, чем от обиды пробурчала царица, вздохнула и, чмокнув на прощание в нос своего коня, пошла к выходу.

Иванушка поплелся за ней, чувствуя, что упал в глазах своей жены ниже погребя, но не зная, как это можно исправить, не говоря ей, что из-за беспокойства на южных границах возвращение его старших братьев – Василия и Дмитрия – всё откладывается, и что, может, придется еще снаряжать дружину им в помощь. Он опасался – и весьма справедливо – что Серафима тут же пожелает если не возглавить это войско, то записаться в него добровольцем-разведчиком.

А самое несправедливое, понимал он, будет то, что если

лучшего командира, хоть и не сразу, найти еще будет можно, то лучшего разведчика – нет.

После обеда хмурую и недовольную всем на свете Серафиму все же удалось вытолкать на прогулку в сад. Компанию ей составила молодая царица Елена – жена его старшего брата Василия, царица Ефросинья – мать Иванушки и боярыня Конева-Тыгыдычная с тремя краснощекими веселыми дочками.

Ничего личного против кого-либо из сопровождавших ее благородных дам Серафима не имела, но испорченное с утра настроение давало о себе знать, и с первых же шагов она бессознательно оторвалась от них и ушла далеко вперед, чтобы побродить среди облетающих яблонь и вишен в одиночестве, невесело размышляя о своей тяжелой судьбе.

Что бы ни говорил Иванушка, на что бы ни намекала Елена Прекрасная и что бы ни советовала старая царица, разговоры о прошлых и будущих пирах и балах, ценах на золотое шитье и количестве выточек в реглане наводили на Серафиму тоску всех самых угрюмых оттенков зеленого.

Разговоры о преимуществах шатт-аль-шейхской стали перед дар-эс-салямской или о семи способах безопасного падения с коня на скаку вгоняли в озадаченный ступор их.

Беседовать о погоде больше одной минуты у нее еще ни разу не получалось.

И даже молчание у женщин было общим, а она чувство-

вала, что и молчит-то она на каком-то другом языке, или не о том, или не так...

Поэтому просто тихонько пройти по желтому осеннему саду, если уж настоящим царевнам это было время от времени делать просто необходимо, представлялось ей наименьшим злом во всей этой нелегкой ситуации.

А погода была действительно замечательная, если разобраться.

Впервые после затяжных дождей выглянуло на небе солнышко, и было от этого приятно и радостно, хоть даже оно и не сильно пригревало. Особенно такое осеннее охлаждение чувствовалось, когда его вдруг по ошибке закрывала какая-нибудь заблудшая тучка, которая еще не поняла, что все их тучечное стадо еще ночью снялось со ставших привычными просторов лукоморского небосвода и подалось с ветром на север.

Лицо Серафимы погладил холодный ветерок, и она вздохнула, не поднимая головы.

Ну, вот.

Опять.

Еще одна непонятливая от гурта отбилась...

Тишину послеобеденного дворца прорезал душераздирающий вопль:

– Серафима!!!..

Его тут же подхватили еще несколько отчаянных голосов,

быстро приближающихся к дверям царского кабинета:

– Серафима!!!.. Серафима!!!.. Серафима!!!..

Иванушка под недоуменным взглядом отца бросил перо, кинулся к выходу, на ходу пожалел, что не умеет ругаться, и тут же чуть не был убит дверью, с грохотом распахнувшейся под напором женщин.

– Серафима!!!.. – горестно воскликнула царица и воздела руки к небу.

– Серафима!!!.. – вторила ей с ужасом Конева-Тыгыдычная.

– Да что, что опять случилось-то, а? – расстроено оборвал их Иван, готовясь выслушать историю об очередном «подвиге» своей непоседливой супруги.

– Серафима!!!..

– Только что!!!..

– Серафима!!!..

– Серафиму унес Змей-Горыныч!!!..

Иванушка замер с открытым ртом.

В голове его за право первенства в смертельной схватке сошлись «КОГО?!», «ЗАЧЕМ?!» и «Он что, с ума сошел?».

Но, к чести его будет сказано, победило все же, хоть даже не победило, а прошмыгнуло незамеченным, пока основные претенденты были заняты друг другом, банальное:

– КУДА ОН ПОЛЕТЕЛ?

– Туда! – указала пальцем в сторону окна Елена Прекрасная.

– Туда! – ткнула перстом в стену одна из боярышень.

– Туда! – заверила царица Ефросинья и показала на дверь.

Иван издал яростное рычание и, деликатно, насколько это было возможно при таких обстоятельствах, разметав по сторонам не помнящих себя от шока женщин, помчался на третий этаж, в их с Серафимой покои.

Туда, где на стене у окна висел его меч.

Туда, где на шкафу среди сухой мяты и лаванды отдыхал от летних приключений Масдай.

– Ваня!.. Ваня!.. Вернись!.. – привстав из-за стола, не обращая внимания на перевернутую чернильницу и улетевшие в окошко перья, протянул руки в направлении быстро удаляющейся спины младшенького старый царь Симеон, но это был глас вопиющего в пустыне.

Через пару минут перед тем, как со свистом растаять в голубой в пятнышку туч дали, у окна царского кабинета на мгновение завис ковер, и Иван прокричал отцу, чтобы тот управлялся пока со всем сам, а он будет назад сразу, как только догонит и самолично изрубит на куски эту мерзкую рептилию.

– Ванечка! Ваня! Иван, кому говорят!.. – царь кинулся теперь уже к окну, но опять напрасно.

Иванушки уже простыл и след.

Когда Иванушка понял, что прочесал всё небо и землю в Лукоморске и его ближайших окрестностях вдоль и поперек

уже несколько раз, вместе с холодком в груди к нему пришло осознание того, что быстро и просто ему свою жену не найти. Оставалось только вернуться во дворец, чтобы снарядить поисковые отряды во все стороны света, или...

Или.

Ярославна.

Серафимина троюродная бабка.

Баба-яга.

Она знает.

Она поможет ему разыскать Змея, как в прошлый раз она нашла ему жар-птицу – при помощи волшебной зеленой тарелки и чудо-яблока. И тогда – держись, гадюка.

Если, конечно, к тому времени Серафима от него хоть что-то оставит.

В отношении своей жены Иванушка иллюзий не питал.

– Масдай, послушай, – обратился к ковру-самолету царевич. – Ты сможешь найти, где живет Ярославна? Это где-то в лесу, не так далеко от Лукоморска.

– Не так далеко – это как далеко? – пыльным шерстяным голосом прошелестел ковер.

– Н-ну, я полагаю, в пределах одного дня пути. Недалеко от Вондерландской дороги, – предположил царевич, сам до этого побывавший в скромном жилище Ярославны лишь раз, и то при весьма запутанных обстоятельствах.

– Одного дня? – переспросил ковер и слегка пожал кистями. – Попробую. Если это каким-то образом поможет нашей

Симочке...

– Поможет, – твердо пообещал Иванушка. – Давай поспешим. Что бы там ни говорили про Серафиму, а у меня сердце не на месте. И не будет, пока ее не найду.

– Не печалься, царевич Иван, – успокоил его Масдай, уверенно закладывая крутой вираж и беря курс на запад. – Найдем мы и твою старушку, и ее избушку.

И в лукоморском поднебесье воцарилось выжидательное молчание.

Иван – глазами, а Масдай – неизвестными науке чувствами час за часом напряженно вглядывались в проплывавшие под ними леса, опушки и болота – не мелькнет ли, не покажется заветный домик в глуши.

Лесную прогалину с выгоревшим вокруг лесом, огороженную редким, местами обуглившимся плетнем, закопченную хижину посредине и фигуру в черном балахоне, склонившуюся над полупустыми грядками, они увидели почти одновременно.

– Вон там какой-то дом!.. Это ее!.. – Иванушка чуть не слетел с ковра от нетерпения. – А в огороде – хозяйка! Туда, быстрее!

– Вижу, не слепой, – пробурчал ковер и, плавно снизившись, мягко опустился на единственную зеленую еще грядку – чтобы не запачкаться.

– Извините?... – не успев подняться на ноги, уже окликнул огородницу Иван. – Вы меня...

Человек, не разгибаясь, оглянулся. Черный колпак свалился с его головы, и хулиган-ветер вмиг растрепал рассыпавшиеся по плечам русые взлохмаченные волосы и запутался в реденькой короткой бороденке.

Человеку на вид было лет двадцать-двадцать два.

– Что? Кто?...

Стукнув себе кулаком в поясницу, бородатый резко выпрямился, вполголоса охнул и энергично потер спину.

– Кто посмел потревожить покой и уединение премудрого Ага... Агафониуса? – сурово нахмутив брови, он вперился взглядом в царевича.

– Извините... – поник Иванушка. – Кажется, мы ошиблись адресом... До свиданья...

– Нет, постой! – зловеще прищурился человек. – Ты думаешь, что можешь просто так подкрадываться к великим волшебникам, заставить их врасплох...

– Вы меня с кем-то путаете, – вежливо отмахнулся Иван и повернулся, чтобы снова сесть на Масдая. – Я не подкрадывался ни к каким волшебникам. До свиданья...

– Стоять, я сказал! – бородатый поднял руки и скрючил пальцы. – Я, могучий маг и чародей Агафотий...

– Я думал, вы сказали «Агафониус» в первый раз?

– Да. Агафониус, – смутился человек, но тут же продолжил: – ...Приказываю тебе стоять и не двигаться с места, пока я придумаю для тебя страшное и необычное наказание...

– Иван!!!!..

– Забодай меня коза – Иванчик!!!..

Оба человека и, казалось, даже ковер, подпрыгнули от неожиданности и стали оглядываться в поисках источника голосов.

Долго искать не пришлось – приветствия исходили от двух голов, насаженных на колья плетня. Две пары рук подлетели откуда не возьмись и стали хлопать Ивана по спине и плечам, то ли выбивая из его кафтана пыль, то ли показывая, что рады его осязать здесь снова.

– Иван-царевич!..

– Жив, курилка!..

– Знаем-знаем!..

– Наслышаны-наслышаны!..

– Герой!.. Ну, герой!..

– А как возмужал-то, а?! – восторженно не унимались головы.

Агафониус-Агафотий, казалось, совсем завял.

– Вы знакомы? – обиженно глядя на Ивана из-под белесых ресниц, наконец, пробурчал он.

– Да конечно знакомы, дурья твоя башка!!! – весело прокричала одна голова. – Это же муж троюродной внучки Ярославны Ванечка Лукоморский!

– Оне тут проездом были месяцев пять назад!

– Ох, Ярославна их и любит!..

– М-да?... Так бы сразу и говорили... – человек пожал узкими, затянутыми в нечто выцветшее и черное плечами, и

скис окончательно.

– Так это все-таки дом Ярославны? – уточнил на всякий случай Иван.

– Не-а, он совсем не изменился! – заржала другая голова. – А чей же еще, как ты думаешь, а?

– Но другой хозяин...

– А-а!.. Этот!.. Это не хозяин, – если бы голова могла, она махнула бы рукой. – Это практикантишка нашей Ярославны – прислали в этом году на наши головы из высшей школы магии!

– Чума ходячая!

– Инвалид умственного труда!

– Цыц, молчите, окаянные! – замахнулся на головы практикант, вышедший специально для этого из своего непонятного ступора. – Не вашего ума дело!

– А чьего же еще? Другого ума, кроме как нашего с Ермилкой, тут нетуть и еще три недели не будет, – одна голова кивнула в сторону второй и показала великому магу язык.

– Не будет?!.. Как – «не будет»? – воскликнул пораженный в самое сердце Иван. – Мне же ее срочно надо! Вопрос жизни и смерти!..

– А что случилось? – забеспокоился Ермилка.

– С Серафимой беда. Ее сегодня утром Змей унес. Я должен срочно ее найти!..

– Змей-Горыныч? – встрепенулся Агафотий. – Найти? Похищенную царевну? Так это же проще простого! Это –

моя специализация!.. Я по похищенным Змеями царевнам и прочим принцессам курсовую в том году писал!

– И сколько поставили? – не замедлила поинтересоваться ехидно голова.

Но практикант ее гордо проигнорировал.

– У Ярославны есть тарелка зеленая волшебная с яблоком, – подскочил тут же к нему Иванушка. – Вы умеете ей пользоваться?

– Естественно! – со снисходительным недоумением, как рыба, у которой спросили, умеет ли она плавать, хмыкнул волшебник. – Пойдем скорее!

Воспрявший и расцветший на глазах Агафотий бережно подхватил царевича под локоток, увлек в дом, и под выкрики голов «Она тебе ее ирвентарем кроме лопаты пользоваться вообще запретила!» поспешил захлопнуть за собой дверь.

– Ну-с, – в радостном предвкушении возможности показать заезжему витязю, какие они на самом деле бывают – великие волшебники – Агафотий потер руки и обвел глазами полки. – Ага, вон и она! Даже запылиться не успела с прошлого раза – я ей постоянно пользуюсь. Раз плюнуть – любое заклинание. Какое хочешь. Я – самый выдающийся ученик нашей школы, крупнейший специалист по волшебным наукам, и все магистры в один голос твердят, что такого ученика у них никогда не было и вряд ли уже когда будет. Да когда меня провожали на практику, даже ректор прослезился, сказал, что от одной мысли, что не увидит меня целых три

месяца!.. Пришлось увести его, напоить валерьянкой и уложить в постель. Гениальность, брат царевич, не спрячешь, сколько ни старайся...

Приговаривая так, великий маг всех времен и народов снял с полки зеленую тарелку, вытряхнул на ладонь из мешочка яблоко – то самое, золотое с рубиновым бочком и изумрудным листочком на черешке черного золота, благодаря которому они давным-давно, пять месяцев назад, подружились с Серафимой.

– Сейчас, сейчас... – пробормотал Агафотий, примерился, прицелился и запустил яблоко кататься по тарелке, как это когда-то делала Ярославна.

Но, не как у Ярославны, оно почему-то вылетело с орбиты и маленьким, но очень дорогим пушечным ядром улетело в шкаф с посудой, пробив деревянную дверцу и, судя по звукам, причинив немалый ущерб далее на своем пути.

– Кабуча! – прошипел сквозь зубы Агафотий и кинулся за ним.

– Не волнуйся, Иван-царевич, все будет в порядке, – успокаивающе кивнул он Иванушке, когда и во второй раз яблоко вылетело за пределы тарелки, а потом отвернулся и, бормоча что-то невнятное – заклинания, подумал Иванушка – нырнул под стол за беглецом.

– Это модель старая, такие сейчас уже лет триста не делают, – разъяснил он после третьего раза из-под лавки. – С первой попытки никогда не заводится.

– Ее уже все равно выбрасывать пора, – продолжил он магическое просвещение царевича после четвертого раза, когда тарелка от молодецкого удара дала трещину, а яблоко, срикошетив от чугунка, оказалось за печкой. – Старье.

– Дай, я попробую. Пожалуйста, – нерешительно попросил Иван перед готовящимся пятым разом, который, продолжайся ход событий именно таким образом, посудина явно бы не пережила. – Все равно же выбрасывать?...

Волшебник с непонятной для Иванушки радостью вдруг передал ему яблоко.

– Пробуй.

Теперь, когда тарелка разобьется, винить Ярославна будет не его.

Иван взвесил в руке неожиданно тяжелое и холодное яблоко, вспомнил, или даже, скорее, почувствовал всем телом, как покатила его Ярославна тогда, как ее движения были плавными, ловкими, кошачьими, и как сравнил он еще ее с крупье их единственного в Лукоморье казино... Она стояла вот так... Потом сделала плечом вот так... Повернулась вот так... Повела рукой вот так...

– Ну, я же говорил, что работать с этой глупой тарелкой – раз плюнуть! – вывел его из состояния полутранса торжествующий голос белобрысого волшебника. – Даже такой непрофессионал, как ты, смог заставить ее работать!

Но где-то в середине этого торжественного туша тонко дзенькнула и оборвалась тоненькая нервная струнка. Или

ему почудилось на фоне собственного нервно-струнного оркестра?

Иванушка вздрогнул и открыл глаза.

Яблоко размеренно каталось по краям тарелки, слегка подскакивая на трещине, как будто оно всю свою фруктовую жизнь только этим без остановки и занималось.

Довольный чародей откашлялся. Наступал его звездный час.

– Солнце садится, день степенится, ночь убывает, свет отступает... – резво начал было Агафотий, но тут же сник и остановился, как игрушка, у которой кончился завод.

– Что? Что-нибудь не так? – забеспокоился Иван. – Трещина мешает? Помехи идут?

– Н-нет... Не мешай... Кх-ммм... Так... Солнце садится, день степенится, свет убывает, ночь подступает, а я к окну подойду, занавесь руками разведу. На севере – Урион-звезда, на западе... На западе... На западе... Или на востоке?...

– Что случилось?...

– Ничего, не вмешивайся! – и волшебник захлопал себя по бокам, по карманам, по рукавам и даже один раз по ноге.

– А Ярославна таких движений, вроде, не делала, – с сомнением наморщив лоб, склонил голову набок Иван. – Это часть заклинания такая? Новая, наверно?...

– Часть... Часть...

Одним отработанным движением фокусника или студиозуса Агафотий незаметно извлек из носка исписанный кло-

чок пергамента, молниеносно расправил его и пробежал глазами теснящиеся на нем крошечные буковки, не больше гречишного зернышка.

– Солнце садится, день степенится, свет убывает, ночь наступает, а я к окну подойду, занавесь руками разведу, – уверенно, громким звучным голосом заново начал декламировать он, изредка все же косясь на невидимую для Ивана бумажку. – На севере – Урион-звезда, на западе – Скалион-звезда, на юге – Малахит-звезда, на востоке – Сателлит-звезда. Как Сателлит-звезда по небу катится, на землю глядит, так и я в зеленое блюдо гляжу, увижу там все, что скажу. Покажи мне, блюдечко, вставьте название интересующего объекта! Тамам!

Дно тарелки замигало, пошло волнами и горошинами, но не просветлело.

– Извините, что вы попросили ее показать? – озадаченно заморгал Иванушка, стараясь переварить услышанное новое окончание старинного заклинания.

Агафотий стрельнул одним глазом на стол.

– Я же сказал – вста... Ой, ежики-моежики...

– Да что у вас там такое? – наконец заметил это странное прогрессирующее косоглазие Иван и, не дожидаясь ответа, протянул руку по другую сторону тарелки.

– Что это? – поднес он к глазам мелко исписанную бумажку.

– Это мое! – подскочил к нему Агафотий, но было поздно.

– Солнце садится, день степенится, свет убывает, ночь наступает, – медленно, почти по слогам стал читать вслух царевич, – а я к окну подойду, занавесь руками разведу. На севере – Урион-звезда, на западе – Скалион-звезда, на юге – Малахит-звезда, на востоке – Сателлит-звезда. Как Сателлит-звезда по небу катится, на землю глядит, так и я в зеленое блюдо гляжу, увижу там все, что скажу. Покажи мне, блюдечко... Змея-Горыныча! Тамам!

– Ох!.. – тихо сказал Агафотий, и Иванушка оторвал взгляд от шпаргалки и посмотрел в тарелку.

Дно ее стало прозрачным и отразило небо, по которому прогулочным шагом ползли редкие упитанные тучки, задевая своими толстыми брюшками за верхушки красных скал. Но вот небо стало уменьшаться, скалы расти, нависать, закрывая весь горизонт, заполняя дно от края до края, и вдруг из черной дыры, которая только что казалась наблюдателям лишь густой тенью, высунулась зеленая, покрытая чешуей голова, за ней другая, третья... Вперив, как одна, злобные желтые взгляды в Ивана, головы дохнули пламенем.

Тарелка слетела со стола и с прощальным дребезгом разлетелась на две части.

Яблоко укатилось в подпол.

– Что... Что случилось? – кинулся к ней Иванушка, но это был смертельный случай, если он хоть чуть-чуть разбирался в посуде.

– Это... я... – прокаркал осипшим голосом побелевший

Агафотий. – Рукой махнул... Нечаянно...

– Зачем?! – воззвал к нему Иван. – Ну, кто вас просил тут руками махать, а?!.. Теперь мы не узнаем, жива ли Серафима, и что с ней!.. Она должна была быть в той пещере!..

– Я хотел... сделать... Да, конечно, я хотел сделать одно заклинание, от которого стало бы видно еще лучше!..

– Спасибо, – сухо кивнул Иван, повернулся и зашагал к двери.

– Постой! Ты куда? – волшебник, обогнув стол, одним прыжком догнал царевича и вцепился ему в рукав.

– К Красным Скалам.

– Но ты не знаешь, где это!..

– Знаю. Это, должно быть, знаменитый Змеиный Хребет в Красной горной стране. Это далеко на юго-востоке, за Сабрумайским княжеством и за Царством Костей.

– Костей... – если бы это было возможно, волшебник побледнел бы еще больше, но у него это не получилось, и он просто крепче сжал разжавшиеся было пальцы на рукаве иванова кафтана.

– Отпустите, пожалуйста, – угрюмо посмотрел на него Иван. – Мне надо торопиться. Это очень далеко. Как он за это время успел пролететь такое расстояние – уму непостижимо...

– Нет. Я с тобой, – вторая едва не трясущаяся рука схватила Иванушку за второй рукав.

– Что – со мной? – недопонял царевич, который мыслями

был уже не здесь.

– Полечу на ковре-самолете. С тобой. В таком важном предприятии тебе просто необходим квалифицированный маг, – Агафотий уже не говорил, а почти выкрикивал слова. – Я могу творить заклинания! Давать советы! Предсказывать погоду! Мыть посуду!..

Иванушка остановился и подумал, что помощь квалифицированного мага в таком деле и впрямь была бы не лишней, и волшебник принял его задержку как руководство к действию.

Схватив с лавки полупустой мешок, он вытряхнул из него картошку и бросился к полкам, на которых бережно были расставлены волшебные вещи Ярославны. Одним взмахом руки он смахнул себе в куль содержимое двух нижних полок и уже примеривался к третьей, как вдруг, случайно повернув голову, увидел, что Иван вышел из избы. Горестно махнув рукой на все остальное, он вскинул мешок на плечо, задрал до колен балахон и вприпрыжку припустил за удаляющимся в огород царевичем.

Под возмущенную ругань голов, не чувствуя тумачков двух пар рук, Агафотий, размахивая своим мешком как военным трофеем, с разбегу заскочил на взлетающего Масдая.

– Я... Не могу... Отпустить... Тебя одного... – задыхаясь от непривычного чародейства занятия физкультурой, хрипя и откашливаясь, выдохнул он. – Возьми меня... Хуже не будет... Мне терять нечего...

Они пролетели без остановки весь вечер и всю ночь.

Утром, ближе к обеду, который обещала постигнуть участь ужина и завтрака, Агафотий взмолился.

– Иван-царевич! Между прочим, мой человеческий организм, как и твой, я уверен, требует пополнения жизненных сил!

Иван угрюмо прислушался к ощущениям внутри своего организма и кратко пожал плечами.

– Мой – нет.

– Это тебе так кажется! А на самом деле он потребует. Когда ты найдешь логовище своего Змея и придет пора с ним сразиться. Ты к тому времени не то что меч – руку поднять не сможешь!

Иванушка признавал справедливость довода своего спутника и, несмотря на крайнее нежелание терять ни на одну драгоценную минуту больше, чем надо, на всякие пустяки вроде еды, сна и тому подобного, ему пришлось сдаться.

– Ну, хорошо. Что у вас в мешке?

– Была картошка, но я ее вытряхнул, и...

– Напрасно, – вздохнул царевич. – Придется отвлекаться на охоту...

– Очень хо...

Но Иванушка вдруг передумал.

– Хотя, нет. Слишком много времени уйдет. А, может, вы быстренько найдете какие-нибудь... корнеплоды? Или яго-

ды? Можно было бы сварить суп... или компот... А, кстати, еще грибы бывают, я вспомнил!.. Полезные. Ими, кажется, лоси лечатся. Вы же волшебник! Волшебники ведь должны знать такие вещи?

При этих словах Агафотий болезненно вздрогнул и, кажется, стал на два размера меньше.

Но Иван не обратил на него внимание.

– Кстати, надеюсь, у вас в мешке хоть котелок есть? – пришла ему в голову еще одна практичная мысль.

– Н-нет. Котелка нет...

Царевич пожал плечами.

– Ну, тогда, может, вообще не имеет смысла...

– В полукилометре отсюда к югу есть деревня, – прошелестел вдруг помалкивавший до сих пор Масдай.

– Так скорее туда! – воспрянул духом практикант.

– Нижние Хохряки? – рассеянно уточнил лукоморец.

– Они самые, – шевельнул кистями Масдай. – Но местный староста запретил мне там появляться, помнишь? Коровы пугаются.

– Значит, не судьба, – равнодушно повел плечом Иван.

– Но если хотите – можете сходить поесть туда, а я подожду.

– М-м... П-пожалуй, д-д... то есть, н-н... – заколебался царевич.

Спаси-сохрани, что-нибудь случится с ковром, пока их нет!..

Это был бы конец последней надежде быстро найти Змея.
И, может статься, конец Серафиме.

Агафотий почувствовал колебания Ивана, перед его мысленным взором предстал уплывающий в голубые дали обед.

– Я схожу и принесу еды! Ты подождешь тут, а я мигом! – умоляюще заглянул он в суровые очи Иванушки.

– Ладно, – уступил тот. – Масдай, давай снижаемся. Пока Агафотий ходит...

– Агафопус, – услужливо подкорректировал маг.

– Извините, я думал, вы говорили...

– Я передумал. «Агафопус» звучит внушительней, – выпятил вперед узкую грудь он.

– Да?...

– Наверное...

Иванушка, несколько смутившись, подумал, что новое имя его компаньона больше похоже на какую-то детскую дразнилку или считалку: «Агафопус-фокус-покус». Вряд ли волшебник рассчитывал именно на это. Но промолчал. Если ему так хочется – пусть будет Агафопусом.

– Хорошо. Пока вы ходите, я разведу костер. И прихватите в деревне котелок, пожалуйста. Похоже, мы оба собирались впопыхах.

– А-а... – хотел спросить что-то волшебник, но Иванушка уже исчез в кустах в поисках сухих веток.

– Торопись, – проворчал ковер. – Если он вернется, а тебя долго не будет, он может и один улететь. Без обеда.

Новоиспеченный Агафопус с ужасом вытаращился на Мадая.

– Правда?! Он на такое способен?!.. Уже бегу!

Через полчаса, когда Иванушка, нетерпеливо расхаживающий вокруг стреляющего хвоей костра, уже и впрямь начал подумывать, что придется продолжить путь без специалиста по волшебным наукам, кусты расступились, и на прогалинке появился запыхавшийся, но довольный маг.

– Вот, – опустил он на землю свой неразлучный мешок. – Принес. Смотри.

И он начал доставать, один за другим, котелок, ложку, еще одну ложку, полкаравая черного хлеба и два маленьких залитых сургучом горшочка.

– Вот, – закончив процесс, с гордостью повторил еще раз он, и довольно глянул на царевича, ожидая похвалы.

– И это все? – казалось, Иван был несколько разочарован.

– Ну, вообще-то, да...

– А это что? – Иванушка заинтересованно взял в руки один горшочек и стал его рассматривать со всех сторон.

– Домашние консервы.

– Ого, тут на сургуче что-то написано! – и он прочитал по слогам. – «Тушенка свиная. Сте-ри-ли-зо-ван-на-я». Что это значит?

– Что она не может больше размножаться, – с умным видом пояснил чародей.

Иванушка голодным взглядом окинул маленькую кучку

продуктов на дырявом рушнике.

– Очень жаль...

И не удержался от намека-вопроса.

– У вас, наверняка, еще оставалось в мешке место...

Агафопус все понял и недовольно поморщился.

– Если бы у меня было хоть немного денег, я бы купил что-нибудь еще.

Иван смутился.

– Ой, извините... Про деньги я и не подумал... Но что же вы тогда взяли в дорогу в своем мешке, если не продукты, не посуду и не деньги?

– То, что стократ лучше продуктов, посуды и денег, – гордо усмехнулся волшебник. – Магию!

– Так вы обменяли в деревне продукты на магию? Сделали гипноз? Представление? Исцеление?

– Что-то вроде этого, – снисходительно кивнул Агафопус. – Давай не будем терять время зря – вода остывает...

Когда через двадцать минут они пролетали над деревней, чародей украдкой оглянулся, повинувшись то ли интуиции, то ли ожиданию чего-то неизбежного.

Над дальней крайней избой пером экзотической птицы павлин медленно вырастало мерцающее холодное зарево, переливающееся всеми оттенками радуги. А из окон и трубы беззвучно сыпались веселые разноцветные искры.

Агафопус поморщился и втянул голову в плечи.

Кабуча!..

Значит, то, что он выменял на еду у кривого мужика, все-таки было «Праздник каждый день» Догады, а не музыкальной шкатулкой...

С одной стороны, конечно, так ему и надо – пускай-ка с неделю поживет так, скряга.

А с другой – что же тогда в круглой желтой коробочке с красными ягодками?...

За обедом ужина, как и предполагал и опасался Агафопус, не последовало. Иван, сгорающий от нетерпения и считающий дни и часы до финальной встречи со Змеем, решил, что лететь они будут всю ночь, а спать по очереди.

Нельзя было сказать, что чародей был безумно счастлив такому обороту, но подумал и спорить не стал.

– Если поразмыслить, – сочувственно вздохнул он, заступая на свою вахту, – то что бы ни происходило сейчас с нами, а бедной девице царевне Серафиме все равно в сто крат хуже в лапах мерзкого Змея. Надо спешить.

– Угу, – подтвердил Иван, не смыкавший глаз уже вторые сутки, обнял, как родного, мешок Агафопуса и тут же уснул.

Волшебник, обхватив костлявые колени и уткнув в них подбородок, стал вглядываться, как и договаривались, в затянутую ночью землю далеко внизу.

Ночь была черная, холодная и непрозрачная.

И сколько он не таращился – вперед, вниз, по сторонам – ничего не менялось...

Не менялось...

Не менялось...

А через полчаса он вдруг с удивлением и радостью обнаружил у себя в голове невесть откуда взявшуюся идею на предмет серьезного улучшения процесса наблюдения.

Всем известно, что у слепых обостряются все оставшиеся чувства. А это значит, что ему надо не вглядываться, а вслушиваться! Чуть-чуть прикрыв бесполезные все равно глаза. Для обострения.

И он, не откладывая хорошую мысль в долгий ящик, так и поступил.

А буквально через пять минут у него над самой головой кто-то рывкнул: «Вот они!!!», а просвистевшее над головой нечто болезненно-острое сбило с него колпак.

В глаза ему ударил яркий дневной свет.

«Почему ночью так светло?» – хотел подивиться он таинствам природы, но ему не дали.

– Первый, прыгай! – проорал тот же самый кто-то, и прямо на не проснувшегося толком волшебника опять же откуда-то сверху свалился кто-то большой, черный и тяжелый.

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!!!..

Внутри у Агафопуса мгновенно заглодело все, что не успело оборваться.

– Чтутупроссхотт? – подскочил заспанный Иванушка.

И по счастливой (хотя, для кого как) случайности ударил головой в грудь не успевшего обрести равновесия чужака.

Тот покачнулся, повалился назад, и тут, как будто невзначай, Масдай стал забирать резко вверх. Злосчастный неприятель взмахнул руками, уронив свой шестопер прямо на колени Агафопусу, и далее продолжил свой путь уже даже без такой непрочной опоры под ногами, как старый ковер.

– Кто это?... – ошеломленно таращились по сторонам глаза Ивана, пока руки делали свое дело – вытаскивали из ножен меч, из-за голенища кинжал и убирали со взмокшего разлом лба нависшие на глаза спутанные со сна волосы.

– Люди... На трех черных коврах... – прошелестел, все ускоряясь и набирая высоту, Масдай. – Один следил за нами все утро, пока не подоспели остальные...

– Остальные... ЧТО?! АГАФОПУС!!!.. Почему вы меня не...

– Они сзади... но догоняют нас... – прервал поток его гневного красноречия Масдай. – Я... не смогу... долго опережать их... Что... будем... делать?...

– Снижайся! Пойдем пешком! Спрячемся от них в лесу!.. Хотя у меня появилась идея получше. У нас же есть волшебник! Ну, сейчас мы им устроим! Агафопус! Понадобится ваша магия!

Царевич обернулся на примолкшего чародея.

– Агафопус!.. Агафопус? Агафопус! Что с вами?

Волшебник, серый, как свет пасмурного дня вокруг них, лишь страдальчески скривился. Весь жалкий вид его был олицетворением безысходности и бренности бытия.

– Вы ранены? Агафопус?...

– Иван!.. Один... обходит нас... сверху!..

Масдай из всех сил старался вырваться хоть на несколько метров вперед, но тщетно.

Черный ковер с нарисованными на брюхе черепом и тазовыми костями под ним, похожими на весьма фривольный галстук-бабочку, был уже метрах в трех от них, почти нависая над их головами. Но самым плохим известием было то, что, похоже, с него готовился еще один десант.

– Я... не могу... быстрее... – Масдай, вкладывающий последние силы в эту гонку, уже не мог говорить, а просто хрипел, задыхаясь, как загнанный конь.

Идея пришла мгновенно, и обдумывать ее времени не было.

Иванушка уперся, как мог, коленями в упавшего ниц и уже не подававшего признаков разумной жизни чародея и вскинул меч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.